

От редактора рубрики

Тема, анонсированная для данного номера журнала, похожа на ловушку. Каждый термин в ключевом словосочетании «освоение периферийных территорий» подталкивает к колониальному способу обращения «первого» (западного) мира с миром «третьим» (восточным). Авторы номера, не планировали, конечно, рассуждать на тему «отдельных племён», проживающих «на огромной территории» или «неизмеримо более высоком уровне социально-экономических отношений, существовавших в России», и благотворно влиявших «на развитие связей с местными жителями»¹.

Однако между рафинированными рассуждениями о разных моделях освоения периферий и колоний, приведших к разным результатам развития, и «махровым» ориентализмом относительно несложно проложить исследовательскую дорожку. Анонсированные идеи номера о том, что опыт США и Канады является «безусловной историей успеха», а политика колонизации в странах Африки, особенно южнее Сахары «находится на другом конце спектра», не может вполне успокоить чуткого к постколониальной риторике исследователя. О том, что колониальное наследие продолжает негативно влиять на сообщества людей, проживающих на территории Африки, спорить сложно. Но так ли положителен опыт США? Так ли идеальна модель освоения, предполагающая расчистку территории от аборигенного населения, создание плацдарма для расцвета западной цивилизации? В чем особенности модели освоения российского Дальнего Востока по сравнению с африканской или американской? Определяет ли внутренний характер колонизации² долгосрочные результаты развития этого российского региона?

Эти противоречия и вопросы, актуальные для девеломенталистских дискуссий, ведущихся с совершенно разных позиций, скажем, экономистами и антропологами, не могли не отразиться на калейдоскопичности публикуемых в этой рубрике текстах. Мы далеки от предположения, что нам удалось без потерь обойти все подводные камни и представить единую картинку с хорошо подогнанными друг к другу сюжетами. Мы осознаем в этой связи, что теоретический обзор в духе экономического позитивизма, открывающий номер (Н. Рыжова и О. Васильева), находится в контрфазе по отношению к статье С. Глебова о социально-политическом воображении в отношении новой российской окраины. Институциональные эксперименты, о которых пишут Н. Рыжова и О. Васильева, необходимы для понимания долгосрочной социо-экономической динамики. А социальные эксперименты, о которых рассуждает С. Глебов, помогают понять, как Дальний Восток воображался, конструировался на начальных этапах его развития. Даже отсылки к опыту Америки или Австралии имеют для авторов рубрики совершенно разное значение. Для историка создание нового типа поселенческой колонии в стиле Америки или Австралии – это скорее заимствование идей реальными управленцами и интеллектуалами своего времени, а для экономистов опыт Америки – лишь результаты эмпирических исследований, которые могут быть использованы для формулирования собственных гипотез или их верификации.

¹ Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века / Отв. ред. А.П. Окладников. 2-е изд. М.: Наука, 1982. С. 33.

² Эткин А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 268–298.

Две другие статьи рубрики представляют не спектр теоретических подходов к пониманию развития окраинных территорий, но сравнение конкретных политик и практик, имевших место в царской России (Я. Гудзей), с теми, что складываются в настоящее время (Н. Рыжова, Т. Журавская и К. Феоктистова). Режимы и политики управления, значение практик захватного землепользования для становления институтов собственности рассматриваются в обеих работах и предоставляют хорошие эмпирические материалы, в том числе, и для понимания представленных в данной рубрике теоретических текстов.

Н.П. Рыжова